

Рассказ госпожи NN

Лет девять назад, как-то раз перед вечером, во время сенокоса, я и Петр Сергеич, исправляющий должность судебного следователя, поехали верхом на станцию за письмами.

Погода была великолепная, но на обратном пути послышались раскаты грома, и мы увидели сердитую черную тучу, которая шла прямо на нас. Туча приближалась к нам, а мы к ней.

На ее фоне белели наш дом и церковь, серебрились высокие тополи. Пахло дождем и скошенным сеном. Мой спутник был в ударе. Он смеялся и говорил всякий вздор. Он говорил, что было бы недурно, если бы на пути нам вдруг встретился какой-нибудь средневековый замок с зубчатыми башнями, с мохом, с совами, чтобы мы спрятались туда от дождя и чтобы нас в конце концов убил гром...

Но вот по ржи и по овсяному полю пробежала первая волна, рванул ветер и в воздухе закружилась пыль. Петр Сергеич рассмеялся и прищипорил лошадь. Хорошо! крикнул он. Очень хорошо!

Я, зараженная его веселостью и от мысли, что сейчас промокну до костей и могу быть убита молнией, тоже стала смеяться.

Этот вихрь и быстрая езда, когда задыхаешься от ветра и чувствуешь себя птицей, волнуют и щекочат грудь. Когда мы въехали в наш двор, ветра уже не было и крупные брызги дождя стучали по траве и по крышам. Около конюшни не было ни души.

Петр Сергеич сам разнуздал лошадей и повел их к стойлам. Ожидая, когда он кончит, я стояла у порога и смотрела на косые дождевые полосы; приторный, возбуждающий запах сена чувствовался здесь сильнее, чем в поле; от туч и дождя было сумеречно.

Вот так удар! сказал Петр Сергеич, подходя ко мне после одного очень сильного, раскатистого громового удара, когда, казалось, небо треснуло пополам. Каково?

Он стоял рядом на пороге и, тяжело дыша от быстрой езды, глядел на меня. Я заметила, что он любит.

Наталья Владимировна, сказал он, я отдал бы всё, чтобы только подольше стоять так и глядеть на вас. Сегодня вы прекрасны.

Глаза его глядели восторженно и с мольбой, лицо было бледно, на бороде и усах блестели дождевые капли, которые тоже, казалось, с любовью глядели на меня.

Я люблю вас, сказал он. Люблю и счастлив, что вижу вас. Я знаю, вы не

можете быть моей женой, но ничего я не хочу, ничего мне не нужно, только знайте, что я люблю вас. Молчите, не отвечайте, не обращайтесь внимания, а только знайте, что вы мне дороги, и позвольте смотреть на вас.

Его восторг сообщился и мне. Я глядела на его вдохновенное лицо, слушала голос, который мешался с шумом дождя и, как очарованная, не могла шевельнуться.

Мне без конца хотелось глядеть на блестящие глаза и слушать.

Вы молчите и прекрасно! сказал Петр Сергеич. Продолжайте молчать.

Мне было хорошо. Я засмеялась от удовольствия и побежала под проливным дождем к дому; он тоже засмеялся и, подпрыгивая, побежал за мной.

Оба мы шумно, как дети, мокрые, запыхавшиеся, стуча по лестницам, влетели в комнаты. Отец и брат, не привыкшие видеть меня хохочущей и веселой, удивленно поглядели на меня и тоже стали смеяться.

Грозовые тучи ушли, гром умолк, а на бороде Петра Сергеича всё еще блестели дождевые капли. Весь вечер до ужина он пел, насвистывал, шумно играл с собакой, гоняясь за нею по комнатам, так что едва не сбил с ног человека с самоваром. А за ужином он много ел, говорил глупости и уверял, что когда зимою ешь свежие огурцы, то во рту пахнет весной.

Ложась спать, я зажгла свечу и отворила настежь свое окно, и неопределенное чувство овладело моей душой. Я вспомнила, что я свободна, здорова, знатна, богата, что меня любят, а главное, что я знатна и богата, знатна и богата как это хорошо, боже мой!.. Потом, пожимаясь в постели от легкого холода, который пробирался ко мне из сада вместе с росой, я старалась понять, люблю я Петра Сергеича или нет... И не понявши ничего, уснула.

А когда утром увидала на своей постели дрожащие солнечные пятна и тени липовых ветвей, в моей памяти живо воскресло вчерашнее. Жизнь показалась мне богатой, разнообразной, полной прелести. Напевая, я быстро оделась и побежала в сад...

А потом что было? А потом ничего. Зимою, когда мы жили в городе, Петр Сергеич изредка приезжал к нам. Деревенские знакомые очаровательны только в деревне и летом, в городе же и зимою они теряют половину своей прелести. Когда в городе поишь их чаем, то кажется, что на них чужие сюртуки и что они слишком долго мешают ложечкой свой чай. И в городе Петр Сергеич иногда говорил о любви, но выходило совсем не то, что в деревне. В городе мы сильнее чувствовали стену, которая была между нами: я знатна и богата, а он беден, он не дворянин даже, сын дьякона, он исправляющий должность судебного следователя и только; оба мы я по молодости лет, а он бог знает почему считали эту стену очень высокой и толстой, и он, бывая у нас в городе, натянуто улыбался и критиковал высший

свет, и угрюмо молчал, когда при нем был кто-нибудь в гостиной. Нет такой стены, которой нельзя было бы пробить, но герои современного романа, насколько я их знаю, слишком робки, вялы, ленивы и мнительны, и слишком скоро мирятся с мыслью о том, что они неудачники, что личная жизнь обманула их; вместо того чтобы бороться, они лишь критикуют, называя свет пошлым и забывая, что сама их критика мало-помалу переходит в пошлость. Меня любили, счастье было близко и, казалось, жило со мной плечо о плечо; я жила припеваючи, не стараясь понять себя, не зная, чего я жду и чего хочу от жизни, а время шло и шло... Проходили мимо меня люди со своей любовью, мелькали ясные дни и теплые ночи, пели соловьи, пахло сеном и всё это, милое, изумительное по воспоминаниям, у меня, как у всех, проходило быстро, бесследно, не ценилось и исчезало, как туман... Где всё оно? Умер отец, я постарела; всё что нравилось, ласкало, давало надежду шум дождя, раскаты грома, мысли о счастье, разговоры о любви, всё это стало одним воспоминанием, и я вижу впереди ровную, пустынную даль: на равнине ни одной живой души, а там на горизонте темно, страшно...

Вот звонок... Это пришел Петр Сергеич. Когда я зимою вижу деревья и вспоминаю, как они зеленели для меня летом, я шепчу:

О, мои милые!

А когда я вижу людей, с которыми я провела свою весну, мне становится грустно, тепло, и я шепчу то же самое.

Его давно уже, по протекции моего отца, перевели в город. Он немножко постарел, немножко осунулся. Он давно уже перестал объясняться в любви, не говорит уже вздора, службы своей не любит, чем-то болен, в чем-то разочарован, махнул на жизнь рукой и живет нехотя. Вот он сел у камина; молча глядит на огонь... Я, не зная, что сказать, спросила:

Ну, что?

Ничего... ответил он.

И опять молчание. Красный свет от огня запрыгал по его печальному лицу. Вспомнилось мне прошлое, и вдруг мои плечи задрожали, голова склонилась, и я горько заплакала. Мне стало невыносимо жаль самое себя и этого человека и страстно захотелось того, что прошло и в чем теперь отказывает нам жизнь. И теперь уже я не думала о том, как я знатна и богата.

Я громко всхлипывала, сжимая себе виски, и бормотала:

Боже мой, боже мой, погибла жизнь...

А он сидел, молчал и не сказал мне: Не плачьте. Он понимал, что плакать нужно и что для этого наступило время. Я видела по его глазам, что ему жаль меня; и мне тоже было жаль его и досадно на этого робкого неудачника, который не сумел устроить ни моей жизни, ни своей.

Когда я провожала его, то он в передней, как мне показалось, нарочно долго

надевал шубу. Раза два молча поцеловал мне руку и долго глядел мне в заплаканное лицо. Я думаю, что в это время вспоминал он грозу, дождевые полосы, наш смех, мое тогдашнее лицо. Ему хотелось сказать мне что-то, и он был бы рад сказать, но ничего не сказал, а только покачал головой и крепко пожал руку. Бог с ним!

Проводив его, я вернулась в кабинет и опять села на ковре перед камином. Красные уголья подернулись пеплом и стали потухать. Мороз еще сердитее застучал в окно, и ветер запел о чем-то в каминной трубе.

Вошла горничная и, думая, что я уснула, окликнула меня...